

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ПУШКИНА

Одним из замечательнейших образцов пушкинской лирики является стихотворение «Румяный критик мой...», написанное в октябре 1830 года. Стихотворение это обычно рассматривается исследователями как выражение глубокого сочувствия Пушкина крепостному крестьянству, и это, конечно, верно. Буквально несколькими штрихами Пушкин с необыкновенной трагической силой воссоздал горестную судьбу мужика, который спешит схоронить своего ребенка.

Скорей! Ждать некогда! давно бы схоронил...

Картина русской деревни поднята здесь до уровня большого художественного обобщения. Неоднократно отмечалось, что стихотворение «Румяный критик мой...» предваряет своими мотивами антикрепостническую поэзию Некрасова.

Стихотворение это следует, однако, рассматривать и как живой отклик на современную литературную борьбу, определяющий позицию Пушкина в конкретной обстановке 30-х годов, как важнейшее произведение, декларирующее эстетические принципы, к которым поэт пришел на новом этапе своей идейной и творческой эволюции.

Прежде всего возникает вопрос: является ли обращение к «румяному критику» условным приемом или за этим скрывается какое-то определенное лицо? Вспомним полные сарказма начальные строки стихотворения:

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.

Конкретность обращения к критику такова, что вряд ли можно видеть в этих словах условность: скорее всего Пушкин откликнулся на факты литературной полемики. Результат изучения критических выступлений против Пушкина, относящихся к 1830 году, году создания стихотворения, подтвердил мое предположение. Оказывается, творческая история стихотворения связана не только с именем одного из критиков, но и с некоторыми совершенно определенными эпизодами литературного движения конца 20-х — начала 30-х годов.

Насмешки над «томной музой», т. е. над грустными, унылыми мотивами в русской поэзии, стали в консервативной прессе того времени довольно частыми. Для понимания политической сущности этой критики следует учесть, что в образе «томной музы» часто обобщались трагические мотивы, возникшие в русской поэзии под влиянием удушающей атмосферы последекабрьской реакции, в годы казней и ссылок, крушения вольнолюбивых надежд. Критика такой «унылости» не имела, разумеется, ничего общего с той критикой безыдейного элегического направления, которая велась в первой половине 20-х годов поэтами-декабристами (и в особенности В. Кюхельбекером), защищавшими принципы высокой гражданской поэзии.

Отражением настроений передовых общественных слоев, тяжело переживавших последекабрьскую реакцию, явился трагический колорит седьмой главы «Евгения Онегина», написанной в 1827—1828 годах (вышла отдельным изданием в марте 1830 года). И лирическое начало главы, где говорится о томном волненье души, о томленьи мертвой души, которой «всё... кажется темно», и картина одинокой, забытой могилы Ленского, где лишь

...седой и хилый
Пастух по-прежнему поет
И обувь бедную плетет,

и лирическая окраска повествования («грустно мне твое явленье, весна»; «грустный он оставил след», «памятник унылый», «мы помним горькую утрату», «увяданье наших лет», «два сердца... еще грустят» и т. д.), — всё это создает острое трагическое ощущение действительности. Просветляется оно лишь воспоминаниями о героике двенадцатого года, о впечатлениях и мечтах юности.

В минорной тональности воспроизводятся здесь переживания Татьяны, ее отчаяние, ее одиночество, ее тоска. Между прочим, именно в седьмой главе отношение Татьяны к свету впервые определяется как *ненависть* («волненье света ненавидит»). Московский свет, куда попадает героиня, обрисован в крайне резких тонах, как апофеоз пошлости и пустоты.

Таким образом, одна из основных идей седьмой главы — противопоставление грустной действительности этих лет жизни московского света, самодовольного и жестокосердого, изображенного в тонах грибоедовского «Горя от ума».

То обстоятельство, что седьмая глава вышла отдельным изданием, придавало ей в известной степени самостоятельное значение. Характерная для всего романа структура лирических отступлений давала возможность рассматривать эту главу как непосредственное выражение настроений и взглядов Пушкина.

Говоря о творческой истории стихотворения «Румяный критик мой...», необходимо также отметить своеобразие содержания, которое вложено в понятие «томная муза». «Томная муза» означает здесь измученная, грустная, изнывающая муза. Именно таково наполнение слова «томность» и в седьмой главе «Евгения Онегина». Кроме приведенных выше примеров, характерно еще определение в этой же главе переживаний Татьяны, которая, изнывая в «одиночестве жестоком», приходит в пустынный кабинет Онегина:

Всё душу *томную* живит
Полумучительной отрадой...

В той же главе мы встречаем этот эпитет в строфах, повествующих о московском свете в восприятии Татьяны. Обуреваемая своим горем, Татьяна вынуждена слушать в гостиной «бессвязный, пошлый вздор», находиться в среде, где

В бесплодной сухости речей
Расспросов, сплетен и вестей
Не вспыхнет мысли в целы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобум;
Не улыбнется *томный* ум,
Не дрогнет сердце, хоть для шутки.

И здесь «томный» в смысле «измученный».¹

¹ Как в стихотворении «Под небом голубым страны своей родной...»: Она *томилась*, увядала.

Обращаясь к «румяному критику», отвергавшему «томную музу» поэта и требовавшему позабавить его «веселой песенкой», Пушкин защищал позицию, выраженную в седьмой главе «Евгения Онегина». Об этом свидетельствуют следующие факты. За несколько месяцев до написания стихотворения «Румяный критик мой...» в «Северной пчеле» (№ 35 от 22 марта и № 39 от 1 апреля 1830 года) была напечатана статья Булгарина с уничтожающей оценкой седьмой главы пушкинского романа. В статье утверждалось, что глава эта являет собой «совершенное падение». Характерной чертой статьи Булгарина является глумление над пушкинской «томной музой». Сочетая пошлое зубоскальство с прямым политическим доносом, критик ставил своей целью доказать, что Пушкин принадлежит к людям, недовольным современной действительностью.

От Пушкина ожидали, утверждал Булгарин, что он устремился на Кавказ, чтобы «в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев», а вместо этого читателю предлагается седьмая глава «Евгения Онегина». О позиции Пушкина, выраженной в этой главе, Булгарин писал: «...автор часто говорит о себе, о своей скуке, *томленье*, о своей мертвой душе (см. стр. 9, стих. 3), которой кажется все темно и проч. Великий Байрон уж так утомил нас всеми этими выходками, что мы сами чувствуем невольное *томленье*, слыша беспрерывное повторение одного и того же». Слово «томленье» в обоих случаях Булгарин выделил курсивом. И в других местах своей статьи Булгарин порицал Пушкина за грустный колорит седьмой главы, за то, что он описывает московский бал в обличительных тонах и обманул читателя, который «ожидает восторга при воззрении на Кремль, на древние главы храмов божиих, думает, что ему укажут славные памятники сего *славянского* Рима... Не тут-то было», — заключает Булгарин. Словом, от Пушкина ожидали прославления благоденствия и величия николаевского царствования, «восторга», бодрости, а он проповедует «томность», грусть, поносит Москву и московский свет, — таков ход рассуждений Булгарина.

Несомненно, что с обвинениями Булгариным Пушкина в том, что он «часто говорит о себе, о своей скуке, томленье, о своей мертвой душе, которой кажется все темно», связано начало пушкинского стихотворения:

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.

В ответ на упрек Булгарина, что душе поэта «все кажется темно», Пушкин с подчеркнутой демонстративностью создает скорбную картину современной деревни, где даже пейзаж выдержан в безрадостных, серых тонах:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.

После этой картины, скорбность которой дополняется образом мужичка, который несет под мышкой гроб ребенка, следует реплика, вложенная в уста «румяного критика»:

...Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить?

Реплики эти соотносятся с словами Булгарина о «сладких песнях», которых он ожидал от Пушкина. К этому следует добавить, что определение внешних примет «критика», который обличается в пушкинском стихотворении («румяный», «толстопузый»), вполне соответствует физическому облику Булгарина: именно таким он изображен на современных портретах — акварелях и литографиях.

Конечно, было бы неправильно рассматривать стихотворение «Румяный критик мой...» лишь как ответ Пушкина Булгарину. Хотя Пушкин был сильно задет его статьей о седьмой главе «Евгения Онегина» (об этом свидетельствуют и сохранившиеся заметки об этой статье, и отклик на нее в проекте предисловия к последним главам романа), замысел стихотворения более широкий. Значение его в том, что оно ярко отражает новый этап демократизации пушкинской позиции, новый угол зрения оценки действительности с позиций народа. Связь творческой истории стихотворения «Румяный критик мой...» с травлей Пушкина Булгаринным, со статьей «Северной пчелы» о седьмой главе «Онегина» позволяет раскрыть злободневную политическую сущность этого стихотворения, расшифровать социальное содержание полемики с «румяным критиком». Тем самым анализируемое стихотворение включается в серию пушкинских произведений 30-х годов, посвященных защите и обоснованию новых эстетических принципов, перехода к темам «низкого быта», к созданию образа «ничтожного героя», «маленького человека».

Предлагаемая трактовка замысла стихотворения «Румяный критик мой...» подтверждается и его прямой связью с замыслом поэмы «Домик в Коломне». Стихотворение «Румяный критик мой...» датируется, на основании помет в автографе, 1—10 октября 1830 года. «Домик в Коломне» — октябрём того же года. В «Домике в Коломне» выражена та же идейно-эстетическая позиция поэта, что и в стихотворении. Защита «томной музыки», «унылости», за которую поносил Пушкина Булгарин, проведена путем сближения настроений поэта и народа:

Фигурально иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская. Известная примета!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз. Печалию согрета
Гармония и наших муз и дев.
Но нравится их жалобный напев

В автографе имеется черновой вариант последних строк:

Но ямщиков и наших муз и дев
Мне томный долго нравился напев.

В автографе имеются и другие мотивы, связывающие творческую историю стихотворения «Румяный критик мой...» с поэмой «Домик в Коломне». В одной из строф, характеризующей обстановку литературной борьбы, о писателях, которые перенесли свой «табор» «с горы на дно оврага», говорится:

И там копышутся себе в грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
Кто с жабой, кто с лягушками в связи,
Кто раком пятится, кто вьется змейкой...
Но, муза, им и в шутку не грози —
Не то тебя покроем телогрейкой
Оборванной и вместо похвалы
Поставим в угол Сев<ерной> пчелы.

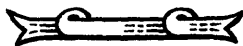
«Телогрейка», о которой здесь говорится,— намек на выражение «душегрейка новейшего уныния», которое употребил И. Киреевский в своем «Обозрении русской словесности 1829 года», напечатанном в альманахе «Денница» на 1830 год. В отзыве об этом альманахе Пушкин, высоко оценивая статьи Киреевского, между прочим, цитировал его слова о том, что новейших поэтов отличает «уныние, дитя севера и зависимости». Метафорой «душегрейка новейшего уныния», несмотря на ее витиеватость, обобщались те вызванные временем печальные, скорбные мотивы русской поэзии конца 20—30-х годов, которые подвергались в «Северной пчеле» критике с реакционных позиций. Понятно поэтому, что на статью Киреевского «Северная пчела» откликнулась бранью в отзыве о «Деннице», напечатанном 25 января 1830 года за подписью «Порфирий Душегрейкин».

Следовательно, цитированные выше строки рукописи «Домика в Коломне» также связаны с попыткой отразить выпады Булгарина.

И, наконец, о травле, возникшей в связи с появлением седьмой главы «Онегина», Пушкин говорит в черновом наброске вступления к «Домику в Коломне»:

Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян
И написал скорее мадригалы
На бой или на бегство персиян...

Этот мотив вступления был отброшен, но его наличие проясняет историю замысла «Домика в Коломне»: суть его в демонстративном отказе писать «матригалы» на официозных героев и в столь же демонстративном выборе в качестве объекта изображения быта «ничтожных героев» Коломны, в отказе воспевать возвышенные предметы, как этого требовали реакционные критики и «важные особы». В отказе от «веселых песенок» во имя суровой правды народной жизни заключается и суть стихотворения «Румяный критик мой...» Так сближаются своей полемической направленностью шуточная, по своему сюжету, поэма о скромных жителях Коломны и стихотворение, рисующее печальную картину крепостной деревни.

Русская литература

№ 1

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1958

Журнал выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Б. Бурсов. О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы (статья первая)	7
С. Петров. Рождение социалистического реализма	34
В. Ковалев. Утверждающий пафос советской литературы	60
И. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы	75
Н. Берковский. Народно-лирическая трагедия Пушкина («Русалка»)	83
Б. Мейлах. Об одном стихотворении Пушкина	112
В. Базанов. Проблема эстетического отношения фольклора к действительности у Н. Г. Чернышевского	117
В. Архипов. К творческой истории романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»	132
А. Бушмин. Эволюция реализма Салтыкова-Щедрина в 80-е годы	133

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Р. Ганелин. М. Горький и американское общество в 1906 году	200
Ф. Прийма. Из забытых отзывов русских писателей о Т. Г. Шевченко	223
Д. Бабкин. А. Н. Радищев в оценке В. В. Капниста	231

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Григорьев. Изучение русской классической литературы в Западной Европе и США (1945—1957)	234
К. Муратова. Новые книги о М. Горьком (1955—1957)	250
А. Павловский. Живые страницы истории литературы	260
В. Гусев. Нерешенные проблемы фольклористики	264
К 80-летию заслуженного деятеля науки РСФСР В. А. Десницкого	270
ХРОНИКА	274